

Декабря 5 (18)

Священномученик
Илия (Четверухин)

Священномученик Илия родился 14 января 1886 года в Москве в семье Николая Михайловича и Марии Николаевны Четверухиных. Николай Михайлович был сыном учителя, выходца из солдатского сословия; по окончании учительской семинарии он более 45 лет прослужил учителем; в последние годы жизни он преподавал русскую словесность в Военно-фельдшерской школе в Лефортове; за многолетнюю преподавательскую деятельность он получил орден Святого Владимира IV степени, дававший ему право на вступление в дворянское сословие, но в дворянство он записываться не стал.

В 1904 году Илья окончил с золотой медалью 2-ю мужскую гимназию на Разгуляе в Москве и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Здесь он глубоко заинтересовался вопросами духовной жизни. Чтение духовных книг привело его к серьезным размышлениям о смысле человеческой жизни. Впоследствии в одной из своих проповедей он рассказал, как еще девятнадцатилетним студентом читал труды святителя Феофана Затворника, которые его потрясли до глубины души. «Вся жизнь должна быть перевернута до дна. Постоянно надо помнить Бога, чему содействует непрестанная молитва». И вместе с тем он стал думать не только о себе, но и о других – «никто в бабки и в лапту не играет религиозно, воспитатели молитвы Иисусовой не читают. А дальше – на улице и везде – во всей Руси – люди, чуждые христианского духа». Илья спросил у священника, как же спасаются. Священник ответил: «Предоставь всех Богу и не суди, а заботься о себе».

В 1906 году на первой неделе Великого поста Илья Николаевич поехал в Гефсиманский скит с надеждой побывать у старца, иеромонаха Варнавы (Меркулова). Отец Варнава назначил ему исповедь на утро пятницы. Исповедовав Илью Николаевича и еще двух монахов, отец Варнава отправился исповедовать в дома призрения Кротковой в Сергиевом Посаде. После исповеди он вошел в алтарь, опустился на колени перед святым престолом и отдал Богу свою праведную душу. Так Илья Николаевич, едва узнав старца, потерял его.

8 мая 1906 года Илья Николаевич поехал в Зосимову пустынь к иеромонаху Алексию (Соловьеву). Он довольно долго беседовал со старцем и исповедался у него с семилетнего возраста, как требовал того отец Алексей у всех, кто просил его принять в число духовных детей. «Отныне я беру вас в свое попечение, – сказал старец, – я должен буду ответ за вас давать на Страшном Суде, но вы должны мне за то обещать полное со своей стороны послушание».

Интересы духовные и религиозные стали с этого времени для Ильи Николаевича преимущественными, и он, оставив университет, летом 1907 года сдал экстерном экзамены за весь курс Духовной семинарии и поступил в Московскую Духовную академию. Поселившись в общежитии, он сразу же подружился со многими студентами; среди них были Николай Звездинский¹, Сергей Садковский² и Владимир Троицкий³.

¹ Впоследствии епископ Серафим.

² Впоследствии епископ Игнатий

³ Впоследствии архиепископ Иларион.

*Священник Илья Четверухин
1912 год*

6 февраля 1908 года Илья Николаевич обвенчался с Евгенией Леонидовной Грандмезон, на свадьбе Сергей Садковский и Николай Звездинский были у него шаферами. Впоследствии у Ильи Николаевича и Евгении Леонидовны родилось шестеро детей. После свадьбы, в тот же день вечером, они выехали в Сергиев Посад и, отстояв на другой день литургию в Лавре, отправились в Зосимову пустынь, где встретились с отцом Алексием. Благословив и поздравив их, батюшка дал им большую просфору и сказал: «Я вам не желаю ни богатства, ни славы, ни успеха, ни даже здоровья, а мира душевного. Это – самое главное. Если у вас будет мир – вы будете счастливы». Их приезд в монастырь и говение отец Алексей очень одобрил и сказал им: «За то, что первые дни после брака вы посвятили пребыванию в монастыре и говению, вас Господь благословит и никогда не оставит».

В 1911 году Илья Николаевич окончил Духовную академию со степенью кандидата богословия. Тема его кандидатской работы была «Жизнь и труды аввы Исаака Сирина». В этом же году Илья Николаевич был рукоположен в сан священника и первое время служил в храме при Ермаковской богадельне в Сокольниках. В начале 1919 года Ермаковская богадельня была большевиками закрыта, а вместе с нею закрыта и вскоре разрушена церковь, и отец Илья остался без прихода. Весной 1919 года скончался настоятель храма Николы в Толмачах протоиерей Михаил Фивейский, и отец Илья пожелал служить в этом храме, главным образом потому, что здесь в течение двадцати восьми лет в сане диакона служил его духовный отец иеросхимонах Алексей. Главный престол храма – в честь Сошествия Святого Духа на апостолов, южный придел – святителя Николая, северный – Покрова Пресвятой Богородицы.

Став настоятелем Николо-Толмачевского храма в 1919 году, отец Илья нашел его в бедственном положении. Богатые прихожане, бывшие раньше

благотворителями храма, или умерли, или в связи с гражданскими смутами уехали, а в их домах поселилась беднота. Диакон и псаломщик уволились. Не было ни дров, ни муки, ни свечей, ни деревянного масла для лампад, ни церковного вина. Первую зиму храм не отапливался и внутри искрился от инея. Богомольцев почти не было. Но все же всегда находилось немного муки, масла и вина, и служба не прекращалась. Отец Илья решил служить каждый день. Службы проходили благоговейно, торжественно, спокойно и строго. Отец Илья прилагал много усилий, чтобы каждое слово, произнесенное в алтаре или на клиросе, дошло до молящихся.

Постепенно в храм стало приходиться и приезжать все больше людей. Появились помощники и помощницы. Особенно привлекала личность священника – его доброжелательность, ум, всесторонняя образованность и личное обаяние. Исповедь отец Илья проводил на клиросе, исповедуя индивидуально и обстоятельно, часто предлагая советы и поучения. И постепенно сложилось общество людей, любивших и уважавших друг друга, привязанных к храму и к своему духовному отцу. Все прихожане с радостью принимали участие в уборке и украшении храма, в пении и чтении. Аналои с книгами стояли уже не на клиросе, а в храме, так как священнику хотелось, чтобы как можно больше молящихся участвовало в богослужении.

Протоиерей Илья так описывал в 1924 году положение в храме в письме к епископу Звенигородскому, викарию Московской епархии Николаю (Добронравову), прося наградить наиболее усердных прихожан: «Скоро будет пять лет, как я поступил в Толмачевский приход. Трудно мне было начинать свое здесь служение. В первый же год я остался один из причта. Один из псаломщиков умер, другой перешел в богатый приход, диакон уехал в хлеботорговые губернии и принял там сан священника, просфорня отказалась печь просфоры и уехала из прихода, трапезника, сторожа и звонаря не было при самом моем поступлении. Бог не оставил меня и расположил сердца прихожан помочь мне. Прихожане звонили на колокольне, убирали улицу около храма, пекли просфоры, читали и пели в храме. И приходская жизнь в Толмачах не только не погасла, а разгорелась, не умерла, а расцвела».

Пение в храме было заведено простое, обиходное, без вычурности. Чтение было неспешное, четкое и громкое. По возможности полно соблюдался богослужебный устав, так что даже жившие по соседству старообрядцы стали заходить в храм. Проповеди отец Илья произносил не только за литургией, но и за каждой почти службой. Иногда это было слово на прочитанный евангельский или апостольский текст или ответы на вопросы прихожан. В этих случаях отец Илья, не готовясь заранее, принимал на несколько минут головой к святому престолу – и выходил на амвон. Говорить он мог и час, и полтора. Речь его лилась свободно, слова звучали ясно и убедительно. Они доходили до всех присутствующих в храме и глубоко проникали в их души. Перед праздниками и постами темой проповеди становилось событие предстоящего праздника. Ради сознательного восприятия заранее раздавался текст предстоящей службы. Отец Илья не забывал напоминать прихожанам, чтобы благодарили Бога за все – за себя, за других, за полученные блага: здоровье, имущество и тому подобное.

В одной из проповедей отец Илья сказал: «Некоторые говорят: мы не решаемся говеть, потому что боимся не оправдать доверия Господа, так как, получив прощение и милость Божию, опять будем оскорблять Его и только большее осуждение соберем на свою голову; лучше уж совсем воздержаться от

причастия, не обманывая Господа. Но такой взгляд заключает в себе противоречие.

Говорящие так, ожидают чуда, которого не требует от них Господь: они хотят сразу после исповеди и Святого причастия сделаться совсем другими, чтобы зло уже не притягивало их, а добро влекло к себе и чтобы творить его без всякого труда. Но это будет насилие над человеческой грешной природой, если человек без всякого труда сделается хорошим, и никакой цены в глазах Божиих иметь не будет. Господу важно наше доброе произволение, наше желание встать на путь добра. Он никогда насильно не заставляет человека идти по этому пути.

*Протоиерей Илия Четверухин
1929 год*

Но скажут: мы имеем доброе желание исправиться, и в соединении с благодатью Божией это желание должно произвести перемену в нас, отчего же мы этой перемены не видим? Отчего мы остаемся такими же грешными после таинства покаяния и причащения, не чувствуем никакой перемены к лучшему? Но это говорит нетерпение. Невозможно требовать сразу перемены всего существа; греховные навыки, страсти не могут сразу покинуть душу.

Эта перемена происходит постепенно, медленно, незаметно для самого человека. Семя брошено в землю, и человек спит, и встает ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он (Мк. 4, 27). Целая жизнь нужна, чтобы выросло это семя и стало крепким деревом. Может быть, тайна сроков нашей жизни обусловлена ростом этого дерева. Господь как бы стоит над нами и следит за тем, как развивается этот пока еще слабый росточек под действием благодатной влаги и тепла; и когда он вырастет и укрепится, Господь и прекращает жизнь нашу.

Мы должны верить в свое спасение. И наше доброе желание, наша вера, с которой мы подходим к Святой Чаше, наши молитвы – все это не пропадает даром, все это сохраняется и собирается в глубине нашего естества, где происходит зарождение нового человека. Пусть этот человек еще мал, еще младенец, который не может пока шевелить ручками и ножками, который живет

еще внутриутробной жизнью в утробе нашего духа, но важно, что этот младенец родился, важно, что у нас есть способность жить вечной жизнью, и эта способность, эта жизнь поддерживается в нас Святой Церковью. Таинства, молитвы, посты – все это составляет питание нового человека, который растет и развивается, может быть, незаметно для нашего взора. И если после раздражительности, злобы к родной матери, например, или иных чувств ветхого человека вдруг является нежность к ней, то это уже не ветхий человек говорит, а это начинает шевелиться новый человек. Царство Божие наследует новый человек, который откроется в нашем естестве после смерти».

В то время как в храме шла глубокая духовная жизнь и преображение душ человеческих и возносились горячие молитвы к Богу о мире и благополучии родной страны, напротив церкви дверь в дверь в здании бывшей церковноприходской школы, превращенной в клуб имени Карла Маркса, велась антирелигиозная пропаганда: провозглашались и развешивались лозунги, призывающие к насилию и диктатуре. Под церковные праздники устраивались антирелигиозные мероприятия, и тогда навстречу крестному ходу двигалось шествие с богохульными транспарантами, в адрес молящихся неслись насмешки и ругань, а в священника бросали камни.

В эти годы в связи с декретом о всеобщей трудовой повинности священник и его жена обязаны были устроиться на работу, так как служба в церкви таковой не считалась. Отец Илья устроился научным сотрудником в Третьяковскую галерею, а Евгения Леонидовна стала работать делопроизводителем во Всеобуче. Священник и его жена рано утром уходили в храм, затем – в должность, затем снова шли в храм и уже после этого – домой.

В 1923 году власти арестовали отца Илью и он был заключен в Бутырскую тюрьму по обвинению в распространении контрреволюционных слухов, касающихся отношения властей к Патриарху Тихону. В тюрьме священника продержали три месяца. Вернувшись из тюрьмы, отец Илья рассказывал, как они молились в камере, как вызывали людей ночью и днем на допрос, этап или освобождение, как талантливо и задушевно пела шпана. Отец Илья, живший до этого в замкнутом, тихом мире, окунувшись в кипящий котел человеческих страданий, вышел из тюрьмы потрясенным. Особенно его поразила личность епископа Луки (Войно-Ясенецкого) – святителя и врача.

Одним из пристрастий священника была тогда любовь к книгам. У него была собрана огромная и бесценнейшая библиотека. Здесь были книги и духовного, и светского содержания, старообрядческие рукописи, книги на греческом, фолианты с гравюрами, журналы и альбомы литографий. Всякую лишнюю копейку отец Илья употреблял на покупку ценных и редких книг. Всякий раз, когда отец Илья уходил на книжные развалы или на склады, оставшиеся от Афонского подворья, он возвращался со связками книг. Супруга с упреком говорила ему, что семье нечего есть. На это отец Илья, оправдываясь и возражая, говорил: «Ты только посмотри, что я принес! Это же мне очень нужно! Я об этой книге еще в академии читал! Ей же цены нет!»

В начале 1924 года власти предложили отцу Илье оставить храм или уйти с работы в Третьяковской галерее. Священник пришел домой расстроенный, а его жена перекрестилась и с облегчением сказала: «Слава Богу, Илюша! Наконец-то ты не будешь раздваиваться, а станешь настоящим батюшкой!» С этого времени священника записали в лишенцы, лишив каких бы то ни было гражданских прав. В соответствии с этим отобрали в доме часть комнат, а оставшиеся две обложили

громадным налогом. Но на помощь пришли прихожане, которые всячески стремились облегчить жизнь семьи. Одна из них вспоминала об этом периоде своей жизни и о семье священника: «Батюшка служил тогда в храме в Толмачевском переулке. Приход был маленький, доходов – никаких, и немалой семье батюшки жилось трудно. Все мы старались облегчить им жизнь, но средств у нас в то трудное время было мало.

В Толмачевском храме службы были ежедневно. Утром – литургия, вечером – всенощная, которая затягивалась до девяти часов, так как батюшка сам канонаршил стихиры, а после службы нередко толковал нам тексты из Священного Писания, разъяснял, приучал нас понимать и любить богослужение или читал творения святых отцов.

Дорогой нам Толмачевский храм, сиявший мрамором и чистотой, озаренный мерцанием лампад, был до того холодный, что к концу службы ноги примерзали к полу и еле двигались. Счастливое, незабываемое время! Матушка была неленостной помощницей батюшки. Она ежедневно утром и вечером была в храме. Получив музыкальное образование и обладая хорошими музыкальными способностями, матушка и читала, и пела, и регентовала. Часто, перекрестившись, она произносила с благоговением: «Слава Богу за всё!» Все беды, все испытания она принимала, как из рук Божиих, с верой и покорностью воле Божией».

Храм святителя Николая в Толмачах закрыли сразу же после главного храмового праздника – Дня Святого Духа – 24 июня 1929 года. Сын отца Ильи Серафим так рассказал об этом событии: «Это не произошло внезапно. На Пасхе пришли какие-то люди из Третьяковской галереи и сказали, что общее собрание сотрудников галереи постановило потребовать закрытия Николо-Толмачевской церкви и передать это здание галерее для расширения экспозиции. Пришедшие, вполне интеллигентного вида люди, благожелательно советовали сразу же согласиться с решением собрания и не протестовать, не заниматься бесполезными хлопотами. Они давали понять, что храм ожидает неплохая участь, ведь он попадает в культурные руки.

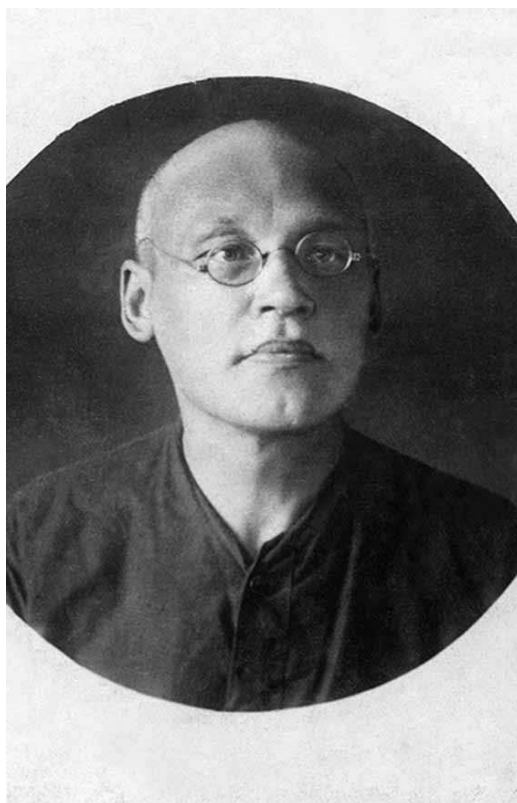
Среди сотрудников галереи, живших по соседству, было немало давних прихожан нашего храма, которые, плача, признавались священнику, что, по немощи человеческой, по боязни, они тоже голосовали “за”.

Услыхав тягостное, но неудивительное по тем временам сообщение, отец Илья и приходской совет решили сделать все от них зависящее, чтобы отстоять храм, а там – да будет воля Божия! Было подано заявление в Моссовет, потом апелляция в Президиум ВЦИКа. Каждый день усиленно молились о сохранении дорогой святыни. Приглашенный фотограф запечатлел на память вид главного иконостаса, приделов, росписи, сфотографировал и священника, произносящего поучение. Заснял группу прихожан во главе с ним у северной стены главного храма и вид на колокольню. Господь решил по-своему, и хлопоты не увенчались успехом – везде было отказано.

Однажды, когда отец Илья вернулся из храма от литургии, в дверь постучали. Вошедший сказал, что он просит священника открыть храм и достать опись имущества, так как пришла комиссия принимать храм. Священник перекрестился, послал меня к матушке Любви за ключами, взял большие конторские книги, где были записаны иконы, облачения, утварь, книги и лампы, принадлежащие храму, и пошел на паперть. На ступенях, ведущих к храму, стояли незнакомые люди, вошедшие вместе с нами в отпертые матушкой Любовью двери. Не все из них сняли кепки.

Отец Илья после этого неделю лежал с сердечным приступом; новый владелец, люди, обязанные по долгу службы ценить и хранить красоту, быстро расправились с приобретением. Опустошили внутренность, сняли не только кресты, но и купола, и даже барабаны, разбили на куски певучие колокола, а потом разобрали до основания дивную, стройную колокольню. И вместо всяческой красоты остался на этом месте безобразный, лишенный жизни обрубок».

Оправившись после болезни, отец Илья стал служить в храме святителя Григория Неокесарийского на Полянке, куда перешли и его духовные дети. В этих обстоятельствах отцу Илье пришлось встретить 20-летие своего служения Церкви. Духовные дети собрались в доме у священника, и был зачитан благодарственный адрес, ими составленный, в котором, в частности, говорилось: «Сегодня исполнилось 20 лет со дня принятия Вами, дорогой батюшка, благодати священства, наполнившей Вас своими дарами, которые Вы свято храните в своей пастырской деятельности.

*Протоиерей Илия Четверухин
Вишерский лагерь. 1932 год*

Сегодня в тесном кружке духовных детей, живущих под Вашим руководством, нам хочется сказать только об одном наиболее важном: руководстве и воспитании нас, Ваших больших возрастом, но малых духовным разумом детей, в духе Христовом. К каждому и в каждом случае Вы подходите особенно. Как апостол Павел говорил о себе, что он всем бых вся (1 Кор. 9, 22), так же можно сказать и про Вас. Кто бы ни пришел к Вам, с чем бы ни пришел, каждый находит отклик на всякую свою заботу или печаль. Иному нужна строгость, иному утешение, и каждому Вы даете именно то, что нужно ему.

Где, в каком храме можно видеть, чтобы священник, не жалея себя, исповедовал с утра до полудня и вечером до поздней ночи, как Вы?

Всех нас Вы знаете почти как самого себя. По лицу, по одному только выражению, даже только по тому, кто как подходит под благословение, Вы узнаете, в каком кто находится состоянии, и соответственно тому и сами отвечаете, как нужно, на это, как мы того заслуживаем. Вы не только заботитесь о нас, как родной отец. Там, где Вы не можете помочь делом, там помогает Ваша молитва. И невольно со всеми огорчениями и горестями мы прибегаем к Вам, потому что у Вас всегда находим участие, а главное – молитвенную помощь. Как часто бывало, что, когда Вы особенно пожалеете и помолитесь, – приходило облегчение, отходила неприятность, проходило нездоровье.

Даже вне храма, вне Вашего дома, на службе, в общении с миром – везде за нами следуют Ваши молитвы и невидимой броней одевают нас.

Много говорили Вы и говорите нам о любви к Богу и людям, но не только словами Вы учите нас, но и самым своим примером. Может быть, первое время в Толмачах многим из нас непонятны были слова о любви к ближним и мало говорили душе. Теперь же, когда мы узнали Вашу любовь, совсем иначе звучат те же слова. С Божией помощью и Вашими молитвами мы, бывшие некогда чужими, стали теперь близкими и родными между собой людьми».

На следующий день отец Илья остановил одну из своих духовных дочерей, которая была составительницей текста, и сказал ей: «Знаешь, этот адрес потряс меня до глубины души. Ведь здесь сказано всё, больше уже нечего говорить, всей моей деятельности здесь подведен итог, теперь осталось только написать надгробную эпитафию».

Спустя год после этого отец Илья был арестован. Случилось это так. Некоторые из духовных детей священника работали в институте методов внешкольной работы. 23 сентября 1930 года в этом институте было проведено собрание, посвященное докладу о вредительстве в рабочем снабжении. После доклада была принята резолюция с требованием смертной казни для политических врагов. От сотрудников института потребовали, чтобы все проголосовали. Верующие женщины воздержались от голосования. Одна из них, Мария Ивановна Михайлова, заявила, что общее собрание не суд, что она против того, чтобы судить кого-либо, против смертной казни и вообще против насилия и суровых мер. Администрация института приняла решение об исключении ее из института. Однако нашлись верующие и не верующие, но сочувствующие ей люди, и они стали хлопотать перед властями о восстановлении справедливости, доказывая, что увольнение было незаконным. Тогда ОГПУ решило арестовать женщин и вместе с ними арестовать их духовного отца протоиерея Илью, а также наказать некоторых, помогавших им хлопотать, уволив их с работы.

26 октября 1930 года власти арестовали протоиерея Илью и он был заключен в Бутырскую тюрьму. Евгения Леонидовна вспоминала об аресте мужа: «За ним пришли поздно ночью. После краткого обыска наши “гости” собрались уходить. Когда батюшка совсем оделся, я сказала, что теперь надо помолиться. Они не протестовали, стояли без шапок. Я прочитала молитву, поклонилась в землю своему дорогому, он меня благословил, я его перекрестила и поцеловала.

Все вместе вышли из дома. Я его спросила: “Что ты сейчас чувствуешь?” – “Глубочайший мир, – ответил он. – Я всегда учил своих духовных детей словом, а теперь буду учить их и своим примером”».

В тюрьме отец Илья был помещен в небольшую общую камеру, где было столько людей, что на полу между нар лечь было негде, и первое время он спал на заплыванном, грязном полу под нарами. Через некоторое время ему уступил свое место на верхних нарах один добрый юноша. Место было очень узким, всего в одну доску, рядом с парашей. В тюрьме шпана сразу же обворовала священника.

Дело отца Ильи вел сотрудник секретного отделения ОГПУ Брауде, который настойчиво добивался, чтобы священник оговорил себя и других, подтвердив следственные домыслы, будто бы он состоял вместе с духовными детьми в контрреволюционной монархической организации.

Отвечая на его вопросы, отец Илья сказал, что он «священник тихоновского толка, с границей никакой связи не имеет. От всякой политики отошел. Как человек верующий, с коммунизмом я идти не могу. Идеи монархизма в настоящее время мне кажутся нелепыми. Вредительство я считаю подлостью; если человек не согласен с политикой советской власти, он должен говорить прямо. На эту ложь нет Божьего благословения. Михайлова подошла ко мне уже после своего выступления на митинге по поводу вредителей. Пришла и рассказала об этом. Она сказала, что выступила так, потому что это собрание и темы о вредительстве были для нее неожиданными и она была не подготовлена. Михайлова – моя духовная дочь и руководствовалась моим мнением, поэтому она и обратилась ко мне после своего выступления. Я ей ответил, что нельзя смешивать духовную жизнь с политикой. Голосуя против, она выступит против государства, и поэтому ей не нужно было этого делать. Больше у нас разговора с Михайловой на эту тему не было».

По окончании следствия сотрудник секретного отдела ОГПУ Брауде в обвинительном заключении написал: «По имеющимся в 5-м отделении секретного отдела ОГПУ проверенным сведениям, эта правая группировка педагогов, собираясь нелегально на частных квартирах, обсуждала создавшееся положение и решила выступить в защиту Михайловой, используя этот инцидент для антисоветской агитации и борьбы с советской властью части сотрудников института».

Предпринятыми 5-м отделением секретного отдела ОГПУ мерами было установлено, что Михайлова является церковницей, тихоновкой, тесно связанной с активными контрреволюционными монархическими кругами, и в своем выступлении являлась их рупором. Было установлено также, что Михайлова усиленно посещает церкви, попов и квартиры многих других церковников-тихоновцев, известных ОГПУ как контрреволюционный, монархический элемент. В частности, Михайлова постоянно посещала квартиру давно известного ОГПУ монархиста, попа церкви Григория Неокесарийского Четверухина.

Привлеченная к следствию по обвинению в участии в контрреволюционной монархической группировке и антисоветской агитации, Михайлова показала, что происходит из духовного звания, до 1928 года жила на средства своей бабушки-попадьи. В Москве проживает с 1923 года. Отношение к советской власти лояльное. Всегда была верующей, церковницей тихоновского толка. Постоянно посещала церковь Григория Неокесарийского на Большой Полянке и квартиру священника этой церкви Четверухина, духовной дочерью которого считает себя и по настоящее время. На вопросы – с кем она встречалась на квартире у этого попа и какие там велись разговоры – Михайлова отвечать категорически отказалась. Отказалась также назвать всех своих знакомых.

Привлеченный к следствию по обвинению в участии в контрреволюционной монархической группировке и в антисоветской агитации поп Четверухин свое участие в монархической группировке отрицал».

23 ноября 1930 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протоиерея Илью к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. 3 декабря ему был объявлен приговор. 5 декабря его этапом отправили в лагерь. В этот день его в последний раз видели прихожане при посадке в тюремный вагон, когда он благословил всех провожавших широким священническим крестом.

В начале декабря ударили сильные морозы, и это сделало его переезд мучительным, так как этап с заключенными ехал в нетопленном переполненном узниками вагоне. Затем пришлось идти пешком более ста километров от Соликамска до Вишеры. Дорогой отца Илью обокрали, отняв у него все теплые вещи, включая шапку, но он не обморозился, потому что у него все же сохранились валенки и шарф, которым он закутывал голову вместо шапки.

30 декабря священник написал супруге из лагеря: «Сегодня у меня первый раз выходной день в лагере, и я пользуюсь случаем, чтобы написать тебе. Если и впредь будут у меня выходные дни или я как-нибудь иначе приспособлюсь, буду писать тебе чаще. Однако не сразу, может быть. Дело в том, что здесь очень трудно достать открытки, конверты, бумагу, марки. Хотя ты и положила эти вещи в мою корзиночку, но их мало осталось, пропали где-то. Поэтому прошу прислать как можно больше открыток, конвертов и бумаги.

У меня пропала фетровая черная новая шляпа; что пропало из белья, не могу точно установить. Тут все пользуются всем казенным: верхним платьем, и бельем, и обувью, но все это делается по одному образцу на средний рост, поэтому мне подходящего ничего нет – ни шапки, ни шубы, ни пальто, ни брюк, ни валенок, ни белья, все мне придется иметь свое (рост 180 см.). Очень благодарен за валенки, я не могу себе представить, как я был бы без них и в дороге, и тут на работах. Очень благодарен за вязаный черный шарф, он очень мне нужен, я им завязываю свою голову на морозе, который доходит до сорока градусов. Очень благодарен за теплые варежки, за теплый подрясник, за фуфайки, одним словом – за все, чем снабдили меня мои родные. Пока что у меня теперь все есть и ни в чем я не нуждаюсь. Вот разве только прислали бы мне на запас ложки две алюминиевые: ваша сломалась, с трудом достал деревянную, она тоже сломалась, достал с большим трудом теперь третью, которая служит мне. Купить здесь ложку очень трудно. Кружку вашу у меня украли, купить ее здесь также нельзя; к счастью, у одной из товарищей крестьян оказалась лишняя, алюминиевая, и он мне дал. Еще меня беспокоят мои очки. Если они у меня как-нибудь сломаются, я буду беспомощным. Поэтому, очень прошу, постарайтесь сделать другой экземпляр и прислать мне. Пришлите в футляре, без которого теперь мне трудно беречь очки. Ведь мы спим на нарах, очень скученно, ни столика, ни ящика, ни полочки для них нет. Я пока здоров, только страдаю сильным кашлем. Работаю все время на вольном воздухе: первые девять дней – землекопом, а потом, до сих пор, чернорабочим на стройке. Встаем в 5.50 утра, выходим на работу с 7 часов утра, с 12 до часу дня обедаем в роте, в 4 часа пополудни возвращаемся с работы, ужинаем, в 5.30 – вечерняя проверка, чай, и я, усталый от работы, валюсь спать.

Поесть дают: 1 кг черного хлеба каждый день, на обед порцию супа, на ужин – порцию каши или винегрета. Сахару на месяц 600 грамм. Кроме того, нам

выдали продовольственные карточки, по которым мы можем получать дополнительно по 200 грамм хлеба каждый день, сахару 200 грамм в месяц, макарон 400 грамм в месяц, конфет 400 грамм в месяц.

Крепко, крепко тебя целую, мой милый несравненный друг. Я не падаю духом, и ты не унывай.

Моим знакомым передай поклон и привет. Всех их вспоминаю с теплой благодарностью.

8.II.1931 года

...Теперь расскажу о себе. Живу я теперь в 3-й роте. Сплю на верхних нарах. В моем распоряжении 2,5 арш. длины и 3,5 арш. ширины. Тут и все мое имущество, которое частью висит и лежит над головой. Работаю по пять дней. Шестой день – выходной. Работаю по 8–9 часов в день. Одну пятидневку с 8 часов утра до 4 часов дня, другую с 4 часов дня до 12 часов ночи, третью – с 12 часов ночи до 8 часов утра. Раньше работал землекопом (9 дней), чернорабочим на стройке (9 дней), теперь рабочим на лесопильном заводе при ящичной мастерской (где пилят дощечки для ящиков). Моя работа – выгребать опилки из-под машин, выносить вон отрезки досок: “рейки” – края досок и “сухари” – концы досок. Работа не тяжелая, но очень утомительная, потому что продолжается без малейшего перерыва, все время на ногах, в движении и напряжении, и много приходится нагибаться к полу, что вызывает во мне пот и одышку. Я очень похудел, говорят – осунулся, но привык к физическому труду, и мне теперь стало легче, чем было сначала.

Ко мне в мастерской и в роте относятся хорошо, с уважением, даже с приятностью. Спасибо добрым людям!

Морозы большие, до тридцати восьми градусов по Цельсию. У меня украли из кармана в мастерской тот черный пуховый шарф, который ты мне передала при разлуке. Он был мне крайне нужен, пока я работал на вольном воздухе (землекопом и на стройке); теперь я работаю под крышей в отапливаемом помещении и могу обойтись без него. Меня одевают в казенное платье...

9.VII.1931 года

...Я писал тебе, что работаю теперь помощником делопроизводителя в больнице “Вишхимз” (т. е. Вишерского химического завода). Работаю много: я и регистратор при ежедневных амбулаторных приемах днем и вечером, я – табельщик стационарных больных и служащих больницы, я ежедневно переписываю порционные требования на довольствие больных, я слежу за поступлением больных в стационар, выясняю их документы, завожу истории их болезней, я, наконец, составляю весь медицинский отчет, ежемесячный и годовой по всем отраслям деятельности больницы, собирая для этого кропотливо, с большим трудом и с препятствиями массу разнообразных статистических сводок. Кроме того, еще несу труды и по текущей переписке больницы с разными лицами и учреждениями. Ухожу на работу к 9 часам утра, возвращаюсь не раньше 9, а то и позже, вечера. Очень устаю, и некогда мне ни почитать что-нибудь для себя, ни подумать, и скоро ложусь спать. Может быть, отсутствие свободного времени мне на пользу, потому что думы мои летели бы к вам, мои любимые, и я тосковал бы больше и острее».

В начале августа 1931 года к священнику на свидание в Вишерский лагерь приехал его сын. Отец Илья рассказал ему, что «сейчас в лагере много заключенных монахов, священников, архимандритов. Есть даже члены приходских советов. Такие заключенные стараются общаться и помогать друг

другу. Молиться и креститься на виду нельзя, это делается только под одеялом. Он уже начал привыкать к лагерной жизни, к своей 3-й, слабосильной роте, куда он наконец попал. От работы на свежем воздухе, при скудном, но в общем достаточном питании сил у него прибавилось, сердце стало работать лучше. Он говорил, что ко всему, даже к самому тяжелому, можно как-то приспособиться, и тогда станет жить легче».

Ко времени приезда сына отец Ильи уже знал, что вся его с такой любовью и такими трудами собиравшаяся библиотека полностью пропала и супруга боялась, что это доставит священнику тяжелые переживания, и потому он велел передать ей: «Боюсь, что ты очень огорчилась из-за меня. Успокойся. Я уже не тот. Мне теперь кажется, что любовь к книгам мешала мне должным образом любить вас, мои дорогие. Слава Богу за всё! Он дал – Он и взял. Буди имя Его благословенно!..»

В конце мая 1932 года к священнику в лагерь приехала его супруга Евгения Леонидовна, которая спустя многие годы написала воспоминания о своем пребывании в Вишере. «В пять часов вечера, – писала она, – когда я, усталая, присела на койку, вдруг отворилась дверь и в ней показалась высокая худощавая фигура в желто-коричневом пальто – мой самый дорогой друг, мой батюшка. Я услышала его слова: “Тут Четверухина?” Стрелой бросилась я к нему навстречу со словами “Христос воскрес!” и просила меня благословить. Батюшка отказался это сделать (тут были мои соседки – посторонние для нас люди), сказав, что он тут только заключенный. В продолжение шести вечеров батюшка рассказал мне о себе многое. Каждый день он вспоминал что-нибудь недосказанное и пополнял свою повесть. Сначала он говорил о самых тяжелых переживаниях, а напоследок уже о более легких, незначительных.

По приезде на Вишеру в декабре 1930 года он был определен на общие работы. Сначала приходилось в сорокаградусный мороз копать землю, которая едва поддавалась лому, затем пилить бревна, потом выгребать из-под лесопильной машины опилки, а для этого то и дело нагибаться к полу. И эта последняя работа настолько утомляла, что однажды он в изнеможении упал на опилки и уже не мог сам подняться. Его отправили в больницу, где он пробыл более двух недель. Едва только выписали из больницы, он должен был идти в командировку в Буланово, за пятьдесят четыре километра от Вишеры, а силы его еще не восстановились после болезни.

Начальство, отправляя заключенных работать, обещало, что они пойдут с отдыхом, проходя лишь по семнадцать километров в день, на деле вышло иначе. Им пришлось сделать этот тяжелый переход в продолжение одних суток. Под конец пути отец Ильи, совершенно обессиленный, падал на снег через каждые пять шагов, других же тащили под руки конвоиры. Наконец, поздно ночью доплелись до Буланова. Для ночлега отвели пустую нетопленную избу с выбитыми стеклами. Ныло все тело, и холод сковывал члены.

Пришло утро. Погнали их пилить хвойный лес. Батюшка не знал, как взяться за пилу: никогда он не был на такой работе. Снег был в лесу по грудь, и, прежде чем начать пилить деревья, надо было его притоптать. Отец Ильи стал объяснять начальнику, что он не может выполнять такую работу, и просил дать ему канцелярскую.

В ответ на это тот ответил язвительно: “Ты опять филонишь. Я тебя еще в Усолье заметил. Ты и там все от работы отлынивал”. А батюшка на Усолье и не жил, только мимо проходил. И пришлось ему покориться, и начал он вместе с

другими валить лес. И пилил он до тех пор, пока не сломалась пила. Тут снова на него посыпались ругательства. Но вскоре приехал другой начальник, нужно было вести отчетность. Увидев его, он позвал: “Эй ты, очкастый, грамоте учился?” – “Учился”. – “Арифметику знаешь? Ну, будешь табельщиком”.

К 1 мая 1930 года отец Илья вместе с другими заключенными вернулся на Вишеру. Вскоре снова послали его на общие работы. Надо было с 7 часов утра до 11 вечера в паре с другим заключенным таскать по две толстых доски с берега на баржу. Чтобы успеть выполнить “урок” вовремя, на берег подымались чуть не бегом. К концу дня все плечи были до крови натерты, все тело болело.

В первый день “урок” был выполнен на все 100%, однако наутро, когда снова послали их на ту же работу, они сговорились таскать по одной доске – уж очень болели израненные плечи. К 11 часам вечера “урок” был выполнен только на три четверти, пришло начальство и приказало докончить сегодня же. И пришлось им доканчивать ночью.

Только в 3 часа ночи кончили “урок”, а в 5 часов надо было снова вставать на ту же работу. И в глубокой тоске он возопил ко Господу: “Господи, Пресвятая Богородица, святитель Николай, я всегда вам молился, и вы мне помогали, а теперь вы видите, что я совсем изнемог, что я готов умереть на этой непосильной работе, и вы меня забыли. Ну что же. Или мне больше уж вас не просить ни о чем?” Лег на нары, но спать не мог от сильной во всем теле боли и горько заплакал. Но к утру вдруг душа снова замолилась, смягчилось его сердце, и снова явилась преданность и вера в Промысел Божий. “Нет, Господи, – шептал он, – хотя бы я умирал в моих страданиях, я никогда не перестану молиться и верить Тебе”. И тут произошло чудо. Когда в 6 часов утра все пошли на переключку, чтобы идти на работу, начальник, читая фамилию Четверухин, запнулся и вспомнил, что батюшку требовали в учетно-распределительную часть для какого-то дела. Оказалось, что он понадобился для написания отчета о работе в Буланово. Таким образом Господь избавил его от непосильной работы.

Рассказывал отец Илья о своих друзьях – заключенных священнослужителях, их было много в то время на Вишере. Как они старались держаться ближе, помогая друг другу. Как вместе молились, читая всенощную или вечерню, как исповедовались и даже причащались, как-то доставая Святые Дары.

Духовником батюшки на Вишере был архимандрит Донского монастыря отец Архип. Исповедоваться удавалось в необычной обстановке: колют вместе дрова, например, и батюшка в это время исповедует свои грехи, а по окончании исповеди отец архимандрит положит на его голову свою руку и прочитает разрешительную молитву. А молиться, класть на себя крестное знамение и причащаться Святых Таин можно было только лежа на нарах, закутавшись с головой одеялом.

После подачи отчета за батюшку стал хлопотать протоиерей Гирский, тоже заключенный. Он просил определить батюшку на Вишерский химический завод, и хлопоты эти увенчались успехом. Батюшка был назначен санитаром в больницу, но это была только одна из его многочисленных обязанностей. Он был и делопроизводитель, и регистратор, и еще много всяких обязанностей пришлось ему выполнять. Пришлось в продолжение почти восьми месяцев трудиться часто по шестнадцать часов в день без выходных. Но у него был отдельный кабинет с печкой, на которой он мог вскипятить воду для чая и погреться.

Однажды ему пришлось послужить одной туберкулезной больной. Она была очень плоха, лежала в больнице, и захотелось ей перед кончиной исповедаться и причаститься Святых Христовых Таин. Он пришел в больницу как санитар, долго с ней беседовал, исповедал ее и причастил Святых Таин. Нельзя передать того счастья, которое испытывала эта страдальца. Она вскоре мирно скончалась, и родным удалось над ее могилой поставить крест. Там же был похоронен и иеромонах Антоний (Тьевар), бывший ученик профессора Московской Духовной академии И.В. Попова. Обе эти могилы украшались с любовью.

Все, начиная от самого главного начальника, врачи, сестры и санитары ценили отца Илью как усерднейшего работника и как прекрасного человека и любили его. Но кому-то это было неприятно, на батюшку наклеветали, арестовали и посадили в изолятор. Это было в конце января 1932 года. Помещение было не отапливаемое, с выбитыми стеклами, то и дело бегали крысы. Отцу Илье не говорили, в чем он виноват, а когда кто-то захотел за него попросить, ему ответили, что Илья Четверухин – величайший государственный преступник. В первый день в изоляторе была только одна шпана и было очень тяжело, но на следующий день его перевели в особое, изолированное от других помещение, и тут он ожил и был даже счастлив. Тем временем началось следствие. Стали поочередно вызывать из больницы медперсонал и младший штат служащих и допрашивать. И все давали о нем самые лучшие отзывы. Отец Илья просидел в изоляторе двадцать дней. По его словам, в изоляторе он обрел мир души: “Обретут покой только те, кто научился кротости и смирению”.

Вместе с ним в больнице работал художник Кирсанов. Он так привязался и полюбил священника, что написал с него большой портрет, жаль только, что он не успел его отделать, – это было как раз перед изолятором, за три дня. Этот портрет батюшка с позволения начальника отдал мне со словами: “Возьми домой. Будете на него смотреть и меня вспоминать”.

Из первого вечера... мне особенно ярко запомнилось наше прощание и разговор. Было ясное безоблачное светлое небо, на далеком горизонте чуть алела заря. Стоя во весь свой высокий рост на фоне этого светлого неба, батюшка мне говорил, отчеканивая каждое слово: “Ты в своих письмах часто занимаешься совершенно бесполезным занятием: считаешь дни, сколько прошло со дня нашей разлуки и сколько еще осталось до дня моего возвращения домой. Я этого не жду. Я уверен, что в вечности мы будем с тобой вместе, а на земле нет. Мне, вероятно, дадут еще три года. Здесь я прохожу вторую духовную академию, без которой меня не пустили бы в Царство Небесное. Каждый день я жду смерти и готовлюсь к ней”.

Лагерь отец Илья воспринимал с трех сторон – во-первых, с отрицательной: шпана, пьянство, обиды, насилия, бесчеловечное отношение, побои; во-вторых, здесь был целый сонм самых прекрасных людей, а третья сторона – то, как все это переживалось, отражалось и преломлялось в его душе. И в результате он всегда чувствовал на себе милость и любовь Божию, дивный Его Промысел, и потому делался ближе к Богу и любил Его все больше и больше. Никакой внешней религиозности он проявить не мог, но в душе все пережитое, глубоко скорбное и тяжелое, сделало его еще более религиозным. Раньше он был религиозен более разумом, а теперь всей душой и всем сердцем полюбил Господа Иисуса Христа. “Нет Его краше, нет Его милее”, – говорил он мне. Он чувствовал себя здесь подобно живущему в монастыре. “Ведь тут как раз

упражняешься в тех добродетелях, которые требуются от монаха, когда он принимает постриг: полное отречение от своей воли, нестяжание и целомудрие”».

После отъезда супруги отец Илья писал ей из лагеря: «Ты спрашиваешь меня, в чем заключаются мои теперешние работы? Я тебе писал, что я с 8 августа по неизвестным для меня причинам снят на общие работы. Общие работы – это всевозможные черные физические работы, большей или меньшей трудности, к каким привлекается наравне с 1-й и со 2-й категорией и категория 3-я, к которой я причислен. Я послан работать в Зональную опытную станцию, там я вспахивал навоз ручным способом в теплицах, таскал землю, таскал воду, качал воду пожарным насосом для поливки прибрежных насаждений, заготавливал колышки для парниковых растений и так далее. Бывало и трудно, и не трудно. В 3-ю категорию я, по-видимому, переведен из-за моего сердца; оно, конечно, стало хуже, так что один раз у меня случилось что-то вроде сердечного припадка.

Ты пишешь, что считаешь дни. Ты уже целый год, кажется, занимаешься этим бесполезным делом. Лучше считай месяцы. Мне с зачетом рабочих дней скинули три месяца из данного мне срока, так что конец срока для меня не 26 октября, а 26 июля 1933 года, значит, я уже разменял последний год срока, и теперь нужно считать не годы, а месяцы. После года надеюсь получить не высылку, как я ждал раньше, а минус какой-нибудь, что сделает меня более доступным для тебя. Впрочем, будущее еще темно и много еще воды утечет до тех пор, пока кончится мой срок...»

«Живу за проволокой, работаю за пять километров от лагеря, – писал отец Илья в следующем письме, – несу труды разного рода, в последнее время копаю при помощи лопаты в поле картофель. В продолжение восьми часов кряду не разгибать спины и сидеть на корточках, без привычки, не легко мне: болят поясница и ноги.

Продолжу ответы на твои вопросы, как я живу, как работаю и как питаюсь. На работу я выхожу в 7. 30 часов утра, прихожу с работы в 6. 30 часов вечера. С 12 до 2 часов отдыхаю в поле, когда нет дождя, и завтракаю черным хлебом. Придя с работы, обедаю и ужинаю сразу: на обед и ужин дают по ковшу щей (обед) и супа из пшенной крупы (ужин). Тут же пью чай и часа через полтора, в 9, ложусь спать. Встаю утром в 6. 30 часов. В моем распоряжении место на нарах – полтора метра длины и полметра ширины. Здесь моя постель, здесь хранятся мои все вещи, посуда, обувь и пища. Как я работаю? Работа моя по непривычке моей к физическому труду, и по здоровью, и по возрасту – тяжела мне, но в то же время она – мое единственное развлечение. В выходные дни хожу еще на ударную работу по пилке дров для лагеря. Ходят разговоры в лагере, что нас могут перевести скоро на новое место жительства – в новый лагерь, но мне хотелось бы закончить свой срок в Вишере, не люблю новизны...»

«Время идет. Конец срока приближается, – писал отец Илья 9 декабря 1932 года. – Но когда он будет, не знаю точно. Раньше я думал, что он, с зачетом рабочих дней, будет в мае месяце, но теперь у меня есть опасение, что он может быть значительно позже, а после срока мне могут дать не освобождение, а ссылку в Архангельскую губернию на три года. Я спокойно приму и это, потому что, повторяю, привык уже принимать скорби и покоряться. Но, может быть, будет и не так. Поживем – увидим...»

18 декабря 1932 года, накануне дня памяти святителя Николая, в 4 часа дня в лагерьном клубе случился пожар. Друзья священника знали, что в клубе в это

время находился и отец Илья, и направились искать после пожара его останки, но не смогли их найти.

Накануне смерти отец Илья, разговаривая с заключенным врачом Сергеем Алексеевичем Никитиным⁴, на прощанье сказал ему: «Прохор Мошнин так говорил: “Стяжи мир души, и около тебя тысячи спасутся”. Я тут стяжал этот мир души, и если я хоть маленький кусочек этого мира привезу с собой в Москву, то и тогда я буду самым счастливым человеком. Я многого лишился в жизни, я уже не боюсь никаких потерь, я готов каждый день умереть, я люблю Господа, и за Него я готов хоть живой на костер».

20 марта 1933 года Особое Собрание при Коллегии ОГПУ, уже после смерти протоиерея Ильи, приговорило его к трем годам ссылки в Северный край и направило распоряжение в лагерь – отправить священника этапом в город Вологду для дальнейшего прохождения наказания.

Составитель игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века
Московской епархии. Дополнительный том 2»
Тверь, 2005 год, стр. 240-268.

Библиография

РГИА. Ф. 831, д. 281.

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-33810.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002.

Четверухин Н. И. Воспоминания.

Четверухины Серафим и Сергей. Слава Богу за все. М., 1998.

Журнал «К свету». № 14. Протоиерей Илья Четверухин, Евгения Четверухина.

Старец Алексей и Зосимова пустынь.

⁴ Впоследствии епископ Стефан.